

САМАНТА МИЛЛС

КРЫЛЬЯ
ЗА СПИНОЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
М 60

Samantha Mills
THE WINGS UPON HER BACK
Copyright © Samantha Mills, 2024
All rights reserved
Published by permission of the author
and her literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Перевод с английского Анастасии Кузнецовой

Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой

Миллс С.

М 60 Крылья за спиной : роман / Саманта Миллс ; пер.
с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2025. — 448 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-26711-4

Город-государство Радежда поделен между пятью сектами, каждая поклоняется своему богу. Юная Земолай, рожденная в секте книжников, с ранних лет мечтала стать воином, примкнуть к секте их бога, обрести право на крылья, чтобы защищать жителей города, который она любила. Мечта Земолай сбывается, крылья у нее за спиной, и двадцать шесть долгих лет она верой и правдой служит в крылатом воинстве. Но однажды все рушится. Возвращаясь с очередного дежурства, она совершает проступок, несовместимый с жесткими нормами, установленными для них божеством. Она проявляет жалость, недопустимый акт милосердия к человеку, поклоняющемуся чужому богу. И сразу теряет все, ради чего жила. Пытаясь разобраться в случившемся, Земолай начинает осознавать, что государство, которое она защищала, и боги, дремлющие где-то на небесах, вовсе не та основа, на которой держится мир, и единственное, что ей остается, встать на сторону тех, кто этой тирании противостоит.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

© А. А. Кузнецова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26711-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вначале был город из камня и дерна, небогатый народ, убежище в ничем не примечательной долине. А потом явились боги.

Св. Лемен. История. Т. 1

В ту ночь, когда крылатая Земолай впала в немилость, с востока дул холодный ветер. Она еще припомнит этот ветер — ветер ее последнего полета, — и в памяти он покажется холоднее и будет злобен, словно живое существо. А тогда это был обычный нисходящий ветер, она о нем и думать не думала. Земолай летела обратно в Радежду после месячного патрулирования восточной границы. Спина горела, измученная мерным ходом механических крыльев. Мысли занимал длинный перечень болячек: колени — болят; бедра — очень болят...

Она слишком устала, чтобы благодарить ветер.

Сквозь ночные облака впереди проглядывало слабое мерцание. Оранжевые, красные, золотые всполохи — огненные цвета без пламени. Ни один другой город в мире не мог похвастаться таким видом. Благословенна Радежда, и нету другой такой.

Беспламенные огни представляли собой порталы. Врата в иной мир. А по ту сторону их странного ускользающего сияния крепко спали пятеро божеств.

Земолай любила пятое божество: меха-дэву — покровительницу городских воинов и блюстительницу закона. Ради того чтобы служить ему и охранять город, Земолай пришлось покинуть обоих и вести долгие вахты в горах, облетая границу, пока крылья не раскалялись так, что импланты в спине начинали буквально плавиться. Устала она от этого. Ус-та-ла.

В таком состоянии — измотанная и провонявшая разогретым металлом — Земолай и прибыла в башню Кемьяна, сердце секты воинов. Двадцать пять этажей из кирпича, дерева и металла вздымались до самого портала меха-дэвы — чудо среди городских чудес. Ожидаяемо Земолай приземлилась на дозорный балкон двадцать третьего этажа.

Менее ожидаемой оказалась возникшая там ссора.

После крылатая вихрем ссыпалась в рабочие казармы на третьем уровне, где и учинила внеплановую инспекцию. Суть ссоры особого значения не имела (еще как имела). Просто инспекция запоздала, и кто-то должен был ее провести (не обязательно она сама; ей хотелось драки).

Вот там-то она себе жизнь и сломала.

Рабочие казармы встретили Земолай пустотой. Вдоль помещения вытянулись пять рядов коек и сундуков — все простыни заправлены, все ручки защелкнуты. Потолок подрагивал от далекой музыки — двумя этажами выше гремела вечеринка. Праздновали День святого Орлуски. Пользуясь лишним выходным, курсанты будут пить в его честь всю ночь.

Внезапно ее накрыло абсурдностью ситуации. Пол-округа гуляет, а она вот — вся в поту, все болит, спать хочется неимоверно, но вместо того, чтобы праздновать или спать, поддалась раздражению, а оно притащило ее

сюда, в пустую казарму, и заставило рыться в чужих вещах. И каких вещах — латаных-перелатаных шмотках; книгах, как религиозных, так и развлекательных; мешках с конфетами.

«Молодец, Земолай, точно стоило время тратить».

Она уже собиралась уходить, когда наткнулась на идола.

Тот был завернут в рубашку — торопливая попытка спрятать вещь при вызове на внеочередное дежурство по кухне. Копнула глубже и обнаружила у сундука фальшивое дно — при серьезном подходе к делу такое давно бы вскрылось. Земолай вдохнула и нажала кнопку вызова над койкой.

Запыхавшийся голос в динамике отдавал жестью:

— Кухня.

Она глянула на табличку на сундуке:

— Хай Савро ко мне, в казарму.

— Уже идет.

Послышалась ей нотка колебания или то была игра статического электричества? Не важно. Минуты через три работник явится, и упадет на брюхо, и примется все отрицать, и будет выть и брыкаться, пока его выволакивают за дверь, — но до этого еще три минуты, а идол в руках у Земолай.

Красивая вещица — изящная медная отливка в виде спящей фигурки со скрещенными на груди руками. За ней явно с любовью ухаживали. Даже лицо намечено — небольшие впадинки глаз и крохотная выпуклость на месте носа. И сходящиеся в одну точку ступни, словно это принадлежность для письма.

Схола-дэв.

Дверь с тихим вздохом отъехала в сторону, и в казарму вошел Хай Савро. Пожилой мужчина, усталый,

с чуть синеватой от многолетнего употребления дешевых стимуляторов кожей. Зайдя внутрь, он не стал протестовать, хотя наверняка догадался, почему его вызвали. Просто опустился на колени перед Земолой и ждал. Одно-единственное «пожалуйста» слетело с его губ, еле слышное, словно против воли. Молитва, не предназначенная для ее ушей.

И Земолой заколебалась.

Процедура сомнений не вызывала — закон был предельно ясен. И жалости коленопреклоненный старик у ее ног не вызывал — к мольбам она привыкла.

Но в его смирении присутствовало тихое достоинство, ввевшаяся в кости усталость, какую сама она ощущала с каждым днем все сильнее, и впервые за очень долгое время крылатая медлила в нерешительности.

— Сколько ты проработал на кухне? — спросила она.

— Пятнадцать лет.

Голос у него оказался хриплый и тихий.

— И сколько лет притворяешься, будто служишь дея-дэву?

— Двадцать.

Она оценила, что он не стал лгать. Не стал тянуть время, препираясь по поводу истинности убеждений, верности, промахов инспекции: «Пожалуйста, крылатая Земолой, тут какая-то ошибка, это даже не моя койка!..»

Земолой повертела идола в руках, проводя пальцами по шелковистым и гладким линиям, как множество раз это делали другие пальцы. Закон гласил: частные богослужения недопустимы; поддельная лояльность недопустима. Хай Савро являлся неучтенным представителем секты книжников, а это неприемлемо. Немногие оставшиеся книжники обитали уединенно у себя

в башне, занимаясь архивами и ведя исторические хроники. Для них так было безопаснее всего. (И для всех остальных тоже.)

Хай Савро прикинулся рабочим с целью получить доступ к собственному храму меха-дэвы, самому сердцу Кемьяны, главной башне. Гнусное коварство!

Но...

Но опять вспомнилась та ссора (та, что привела ее сюда; та, что не имела значения).

Земолай не знала, сколько человек арестовала за эти годы, и не рвалась увеличивать их число. В памяти расплывчато мелькали волосы цвета радуги; дешевые механические протезы; улучшенные глаза, сверкающие гневом, горем и вызовом; грубые голоса, вопрошающие «что?», вопрошающие «как?», вопрошающие «почему?», «почему?», «почему?».

Она знала только, что устала, зла и очень давно не видела схола-дэва.

— Избавься от него! — резко сказала Земолай и сунула идола старику в руки.

Хай Савро вытаращился на нее. Затем перевел взгляд на дальнюю дверь, без сомнения ожидая увидеть воинов-курсантов, готовых потащить его на правёж. Старик проработал в этой башне слишком долго, чтобы поверить, будто приговор меха-дэвы может склониться в пользу обвиняемого.

— Зал скоро опустеет, — сказала Земолай. — Я не стану повторять дважды.

Савро вскочил на ноги, прижимая идола к груди. Крылатая проводила его взглядом, и у нее екнуло в животе. Она уговаривала себя, что виной тому жидкий ужин: обезболивающие, запитые кружкой притупляющей чувствительность дряни. Доза росла с каждым го-

дом, и Земолай начала подозревать, что потроха у нее откажут раньше, чем импланты.

Закружилась голова. Затошнило. На одно мимолетное мгновение женщина почувствовала себя больше чем машиной, больше чем механическими крыльями за спиной — но в то же время гораздо меньше. Крылья ничего не значили вне служения меха-дэве.

Благочестие Земолай дало тонюсенькую трещину; возможно, она наметилась давным-давно. Крылатая ждала срыва еще много лет назад. Она рассчитывала погибнуть в битве с боевым кличем на устах или сойдя с ума от ярости в карантинной клетке — отнятая у нее судьба, жестокое милосердие. Она не ожидала, что конец наступит так. Тихо. Мягко. Без всякой помпы.

Единственное крохотное колебание распахнуло окно свежему воздуху в месте, уже много лет не ведавшем чистого вдоха.

Земолай просыпалась.

Но еще не знала об этом.

На пятнадцатый этаж Земолай поднялась на внутреннем лифте — слишком устала, чтобы снова выходить из башни и перелетать к себе на балкон (упущенная возможность).

В комнате ее ожидали пыль и пустота. Кровать, письменный стол, сундук с вещами. От рабочих казарм она отличалась разве что тем, что была отдельной и запиралась, да из стены напротив кровати торчали крючья для крыльев.

Крылатая придвинулась к стене спиной и нажала на фиксатор на позвоночнике. Резьбовые цилиндры в портах завертелись против часовой стрелки, жужжа громче, чем хотелось бы (пора смазывать), — а затем крюки резко сняли тяжесть со спины.

Земолай застонала от облегчения и вышла из-под крыльев. В открытые порты хлынул прохладный воздух, и она вздрогнула. Цилиндры с толстыми бороздками сидели глубоко в костных мозолях на спине, а их механические окончания уходили непосредственно в спинной мозг. Она чувствовала себя уязвимой. Голой. Не хотелось ничего, только рухнуть в постель и забыть этот день, весь этот год.

Месяц она провела в патруле на этот раз. Месяц!

Месяц трехдневных смен — прочесывая горизонт при свете дня, противостоя холодным ночным ветрам; останавливаясь лишь ненадолго, чтобы справиться нужду и наполнить едой и водой контейнеры, прицепленные к крестообразной португее. Ночной отдых на скалистом аванпосте, пока ее подменял дежурный, а потом снова три дня в воздухе.

Земолай вымоталась вконец.

Но крылья грязные, а это недопустимо.

Она раскрыла их. Нынче в кузницах выковывали металл всех цветов неба, но Земолай никогда не хотела ничего, кроме блестящей меди. Пусть старомодно, но вид ее до сих пор вызывал у крылатой чуть заметную улыбку.

«Пожалуйста», — прошелестел в памяти голос Хай Савро, и улыбка Земолай погасла.

Сегодня вечером она сделала глупость. Зла была (она не хотела об этом думать), потому что (она не хотела об этом думать)...

Земолай жестко задавила мысли. В той стороне лежала паника, потому что в той стороне находилась Меха Водайя. Водайя — глава их секты и, как следствие, города-государства Радежды — постоянно сидела у Земолай в голове, предостерегая от крамолы, требуя большего, требуя лучшего.

Водайя не сама меха-дэва, но какая разница?

Земолай сосредоточилась на протирании сотен перьев. Тонкие и гибкие, они искусно соединялись проводками с полым каркасом — не из настоящей меди, но сплава с большей проводимостью, разработанного лучшими мастерами техно-дэва.

Земолай давно не молилась, но проявляла благочестие вот таким образом. Все свои тревоги, страхи, гнев и отчаяние она держала внутри и теперь выплескивала накопленную энергию, очищая каждое соединение, каждый проводок, каждую шестеренку. Полируя царапины и разглаживая вмятины. С головой нырнув в работу.

Тело было машиной, а машина была продолжением тела.

Меха-дэва смастерила их, а они взамен мастерили себя.

Прежде в мыслях об этом Земолай так далеко не заходила, но по мере того, как из организма вымывался привычный коктейль из стабилизаторов и стимуляторов, его место занимали сомнения. Ощущение кислоты в желудке усилилось, а тело затекло.

Наконец она закончила и забралась в постель, не потрудившись даже умыться.

Знакомая тяжесть распластала ее на спине, прохладные простыни нежили обнаженные порты, и Земолай собралась с духом, чтобы встретить надвигающийся сон. Она отчаянно мечтала уснуть, но в то же время боялась, ведь ночь промелькнет в мгновение ока, придется просыпаться и начинать всю эту карусель по новой.

В конце концов она заснула.

Пришли за ней в самый темный час перед рассветом, и это не должно было стать сюрпризом, но стало. Две пары рук — крылатой Хавы и крылатого Тескодоя —

вздернули ее на ноги, словно проспавшего завтрак курсанта. Она покачнулась в их хватке, все еще чуть живая от усталости, но ей хватило присутствия духа спросить:

— Надолго?

— Пока не вернется Меха Водайя, — нахмурилась крылатая Хава.

Они вышли на балкон. Земолай взглянула на город, раскинувшийся внизу кольцом кукольных домиков. Сердце упало. Чтобы подняться на пятнадцатый этаж, потребовалось двадцать шесть лет. Как далеко назад отбросит ее эта ошибка?

Крылатые собрались стартовать, крепко сжимая руки Земолай — неуклюжий способ транспортировки арестанта, призванный вызвать у нее чувство стыда.

В голове прояснилось, и Земолай чуть не рассмеялась в голос. Вот для чего это все: чтоб стыдно стало. Прилюдная выволочка. Хай Савро поймали, и, защищаясь, он выдал ее имя. Надо просто объясниться и распутать это недоразумение.

Они так и не прыгнули.

Башня содрогнулась от мощного взрыва. Дерево треснуло, стекло разбилось. Один из складов расцвел огненным клубком, щекоча пятки жаром, а ноздри — дымом горящих трав. Крылатая Хава толкнула Земолай на пол, крича: «Замри, не двигайся!», а крылатый Теской взмыл в воздух, с переговорником в одной руке, парализатором в другой; еще десяток крылатых взлетели со своих балконов, и наверху воцарился такой же хаос, как и внизу...

И неприяности у Земолай оказались гораздо хуже, чем она думала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассмотрим парадокс ереси: это убеждения, противоположные общепринятой доктрине; убеждения, которые необходимо подавлять, дабы они сами не стали общепринятыми; и поэтому эти ереси увековечиваются — остаются ересями — уже благодаря самому факту их подавления.

*Схола Викенци. О ереси
(цитата по св. Лемени, «О еретике Викенци»;
источник текста утерян)*

Хай Савро взяли в котельной на пятом этаже и отправили под стражу на неопределенный срок в ожидании допроса и вынесения приговора.

Показания свидетелей собирали всю ночь.

Посудомойщик Савро, предположительно из округа Хай, пятнадцать лет прослуживший на кухне в центральной административной башне Кемьяна, завершал выполнение своих обязанностей под конец праздничного застолья, когда на кухню позвонили и вызвали его в рабочие казармы. Отдельный отчет подтвердил, что крылатая Земолай в это время проводила инспекцию. Они пробыли наедине не более пятнадцати минут.

После выхода из штабного помещения Хай Савро был замечен на нескольких этажах башни. На третьем он повернул на девяносто градусов против часовой стрел-

ки растение в кадке. На четвертом нарисовал стеклографом крестик в правом нижнем углу восточного окна. А на пятом без разрешения проник в котельную и оставался там примерно двадцать минут, прежде чем дежурный по этажу Йевен зашел в помещение с проверкой.

Йевен немедленно отконвоировал Савро в следственный изолятор, где работника кухни вынудили объяснить свои действия. Идол. Милосердие крылатой Земодлай. Шифрованные сообщения, оставленные с помощью растения в кадке и стеклографа (о чем, к сожалению, свидетели не успели сообщить до того, как предполагаемые получатели увидели послания).

Описывая задержание Савро, Йевен признал, что испытывает некоторую тревогу по поводу инцидента. Двадцати минут Хай Савро вполне хватило бы, чтобы расплавить идола и вернуться на кухню, но, войдя в помещение, Йевен обнаружил нарушителя сидящим перед открытой печью, при этом по лицу у него струился пот.

В руках Савро вертел медную фигурку, туда-сюда, туда-сюда, и не сделал ни малейшей попытки уничтожить ее, даже когда Йевен окликнул работника по имени.

Чтобы понять, что такое Радежда, необходимо обратиться к природе народа, проложившего себе дорогу в небеса.

Рассмотрим башню Кемьяна. Первые два уровня построены из камня — огромных блоков, кропотливо вытесанных в далеком карьере. Следующие пять уровней сложены из кирпича. Потом — из оштукатуренного дерева; дальше идут металл и стекло. Башню возводили серьезно, упорно, несмотря на расходы, нехватку ресурсов и рабочей силы. Если один метод терпел неудачу, перестраивались на ходу и продолжали

работу — технологии всегда развивались, а цель была важнее красоты.

Все пять башен Радежды выросли так — уровень за уровнем, поколение за поколением целый город стремился вверх к тому дразнящему мерцанию в небе, за которым люди обнаружили крепко спящими своих пропавших богов.

Те, кто беспечно относится к своей вере, так себя не ведут. И вот Земолай оказалась заперта в подвале башни — не просто брошена на землю, но глубоко под нее — и оставалась в камере два дня, без крыльев и в тяжелой ломке от наркотиков, которые поддерживали ее в воздухе во время затяжного патрулирования.

Ни еды, ни воды, ни обстановки в камере не было. Земолай выбрала дальний угол и уселась на пол, спиной к стене из красного кирпича. Она мысленно считала часы, но, задремывая, теряла нить времени. Один раз пришлось справить нужду в противоположном углу камеры, но вскоре наступило обезвоживание, и проблема отпала сама собой.

Иногда она спала. Чаще — нет. Раз за разом прокручивала в уме события того вечера. Идол. Хай Савро. Почему она отпустила его? Он ведь даже не умолял! Мольбы она игнорировать умела. Рыдания она видела; как тянут руки к детям, любимым, родным, друзьям — тоже, но все равно волокла преступников прочь.

Вот в чем загвоздка. Перед слезами она бы устояла. Уверенность в собственной правоте помогала выносить и грязную брань, и чужую ярость. Но усталость на лице старого посудомойщика ее в конце концов надломил.

Земолай превратилась в сентиментальную старую дуру. А крылья для молодых.

К моменту возвращения Тескодоя Земолэй уже была вся красная и на взводе. Кости болели, как у старой

собаки, и она не смогла бы броситься на него, даже возникни у нее такой порыв.

Крылья у Тескодоя лежали высоко за спиной, вынуждая его пригибаться в дверях. Он заполнил собой тесное помещение, заставив узницу съежиться. Под землей крылья ни к чему. Здесь, внизу, они служили лишь для устрашения.

Земолай эту игру знала. Превозмогая боль, она перекатилась вперед на замученные колени и положила ладони на бедра. Они дрожали, но держали ее. Она знала, что Тескодоем не преминет попенять ей на ненадлежащий вид во время допроса, и не собиралась доставлять ему удовольствие.

— Как давно ты знаешь Хай Савро? — спросил Тескодоем.

Голос был мягкий, теплый. Как клинок на наковальне.

— Мы встречались только один раз.

— Что произошло на этой встрече?

Она коротко пересказала инцидент, сгорая от унижения, но уж лучше разложить все по полочкам сейчас, чем быть уличенной во лжи.

Даже короткая речь утомила ее, и она изо всех сил напрягала руки, чтобы не тряслись. Если ее признание и расстроило Тескодоем, виду он не подал. Они знали друг друга не один десяток лет, но Земолай так и не научилась читать у него по лицу.

— Когда ты заподозрила Хай Савро в подстрекательстве к мятежу?

— Я не заподозрила. Думала, что идол — это... дань ностальгии. Старая игрушка, от которой трудно избавиться.

— Ты знаешь закон, — сказал он. — Нет смысла его цитировать.

— Да, — согласилась она.

— Тогда почему ты его отпустила?

— Потому что...

Потому что с каждым вылетом на патрулирование тело болело немного сильнее. И каждый раз по возвращении приходилось уклоняться от жалостливого взгляда хирурга, когда она просила увеличить дозу лекарств.

Потому что Земолай хотела вернуться домой. Не на несколько дней между заданиями, не на неделю здесь или там, чтобы отоспаться, передохнуть от грязи и одиночества Келиорских гор перед повторной отправкой, — а навсегда, насовсем, на годы, сколько бы их ни оставалось до того, как у нее посыплются суставы.

Потому что она отправилась прямо в караулку и потребовала встречи с Меха Водайей, намереваясь просить ее — умолять! — о переводе в городской патруль, но дежурный ответил: «Нет. Голос тебя не вызывала». И Земолай выругалась, ох, как она выругалась, потому что было время, когда она не покидала Водайю ни на миг, а теперь ей аудиенции не добиться?!

Потому что была зла. Очень зла.

— Это вышло по недомыслию, — вместо этого сказала Земолай, давя в себе воспоминания.

— Хай Савро показывал тебе еретические материалы?

— Нет!

Тескодой продолжал сыпать вопросами. Как Савро отстаивал свою невиновность? Что он ей обещал? Как долго она нарушала указы? Скольким еще она даровала помилование? Кому еще? Кому еще? Кому еще?

Пот катился с Земолай градом; от голода, жажды и ломки кружилась голова, но она стояла на своем: это был первый раз, единственный раз. Он ей не верил. Она бы тоже не поверила. И чем дольше Тескодой ее допра-

шивал, тем туже затягивалась на горле еще одна нить отчаяния: крылатый не должен допрашивать другого крылатого.

Только один человек имел достаточно высокий ранг, чтобы допрашивать Земолай.

— Когда вернется Меха Водайя? — наконец спросила она.

Впервые она добилась от него настоящего чувства — презрения.

— Она уже здесь, — процедил Тескодой. — А теперь расскажи еще раз. Как отреагировал Хай Савро, когда ты его отпустила?

И тут ее охватил настоящий страх. Водайя находилась в башне, но все равно поручила арест Земолай крылатому Тескодою, как будто она даже не воин. Как будто она обычный гражданин. Будь в желудке Земолай хоть что-то, помимо кислоты, ее бы вывернуло прямо на колени.

— Отвечай на вопрос, — велел Тескодой.

— Когда придет Водайя? — помотала она головой, ошеломленная.

Это был неправильный ответ.

— Не поминай голоса всеу! — Тескодой толкнул ее. — Не смей игнорировать вопрос крылатого!

— Я должна поговорить с ней, — ахнула Земолай. — Ты обязан дать мне поговорить с ней.

Тескодой ясно показал, что думает по этому поводу. Если Земолай и молилась, то с одной-единственной мыслью: Водайя все исправит.

Миновал еще день, а может, час — по ощущениям длиною в день, а то и в неделю. Освещение не менялось, и внутренние часы Земолай отказали. Спину пекло, жар

концентрировался в келоидных рубцах, кольцами охватывавших порты для крыльев. Боль проникала в кости, пульсируя в позвонках знакомой песней. Лишенное привычной дозы мехалина тело отторгало искусственные нервные соединения.

Если не вмешаться, организм Земолай вскоре начнет разбирать импланты на запчасти.

Дуновение прохлады вывело ее из лихорадочной дремы. Дверь отворилась, и Земолай узнала вошедшую.

Наконец, наконец, наконец-то!

Меха Водайя, крылатая более сорока лет, Голос мехадэвы и проводник ее воли, стояла над Земолай с лицом, исполненным глубокого разочарования. Ее кожаный костюм украшали серебряные и бронзовые накладки, как и подобает Голосу, но не униформа заполнила камеру от пола до потолка, поглотив остаток света, — сама женщина. Водайя всегда была прекрасной и грозной, но годы странствий в царстве богов придали ее коже едва уловимое свечение. Сила переполняла ее от серебряной белизны волос до пыли на сапогах.

Пыль сопровождала Водайю всегда. Голос не считала возможным сидеть сложа руки, пока другие делают работу за нее.

Земолай не видела главную больше месяца, и от этого зрелища у нее перехватило горло, и без того сухое, как песок в пустыне. Она перекатилась на колени и положила ладони на бедра.

— Изволь объяснить, — негромко произнесла Водайя, и каждое слово казалось нитью в удавке.

— Он всего лишь старик, — выдавила Земолай; голос у нее охрип, губы потрескались. — Кухонный работник, цепляющийся за идола своей юности. Никаких признаков мятежа там не было...

— В том и был признак. — Голос Водайи грянул всей тяжестью и необратимостью похоронного звона.

Она не сделала ни шагу, но ее сила толкнулась вперед, пригвоздив коленопреклоненную Земолай к месту.

— Не бывает бывших адептов схола-дэва, как не бывает бывших книжников. Он старик и потому еще больше закоснел в своих привычках. Тебе следовало это понять, Земолай.

Разочарование в ее голосе ранило сильнее, чем любые словесные оскорбления. Волна недовольства накрыла узицу, и Земолай съежилась. Водайя была права.

Она всегда была права.

— После долгого допроса Хай Савро выдал имена своих сообщников. В нашей башне окопалась целая ячейка мятежников. Благодаря твоему состраданию, — и тут в ее тоне прибавилось яда, — он успел предупредить их, прежде чем его схватили. Все четверо исчезли со своих рабочих мест. Сбежали, и неизвестно, какие сведения они добыли, пока находились здесь. Неизвестно, что они затевали и какие планы уже привели в исполнение. В качестве прощального подарка они взорвали бомбу и дотла спалили наш вспомогательный склад.

Не в силах глянуть Водайе в лицо, Земолай уставилась на пуговицы начальственного мундира: каждая из них напоминала серебряный кулачок.

— Мои мотивы были чисты.

Это была ложь, и осознание собственной лжи потрясло Земолай до глубины души. Она не знала, безобиден ли Хай Савро, и ей было все равно. Она не арестовала его потому, что не захотела. А захотела она сказать «нет». Хотела насладиться одним крошечным мгновением независимости, принять решение вопреки правилам.

Жаль только, момент оказался столь неудачным.

САМАНТА МИЛЛС
КРЫЛЬЯ ЗА СПИНОЙ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Людмила Дубовая, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.03.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ZNF-35784-01-R